КРОКОДИЛ

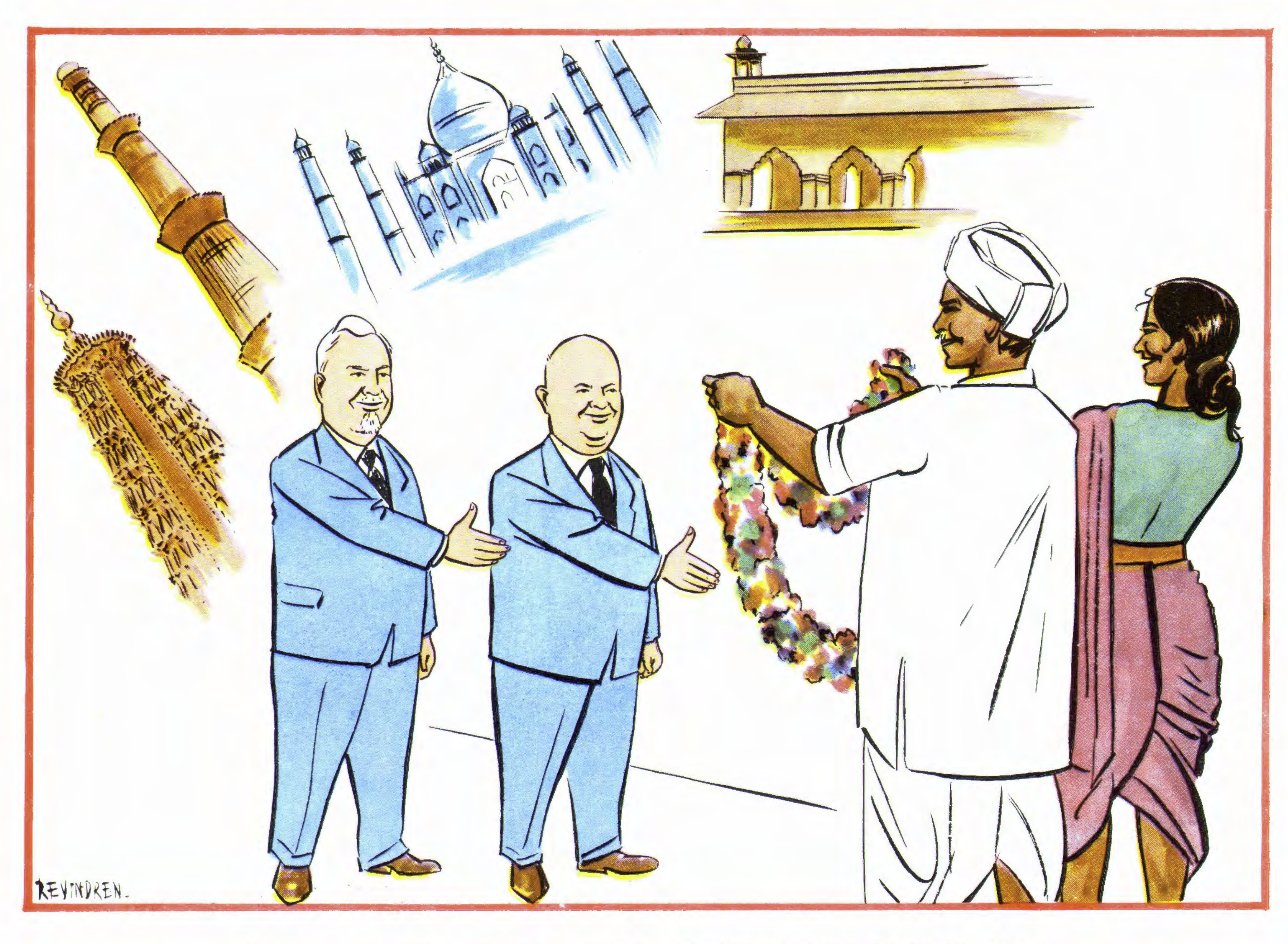
МОСКВА ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» № 1 10 ЯНВАРЯ (1435) 1956 ГОД ИЗДАНИЯ 34-й ЦЕНА НОМЕРА 1 р. 20 к.

Рисунок М. ЧЕРЕМНЫХ.

Лектор-начётчик спешит на лекцию.

Этот рисунок выполнен индийским художником Ревиндреном специально для «Крокодила» во время пребывания товарищей Н. А. Булганина и Н. С. Хрущева в городе Бомбее.

НАША ДРУЖБА ПРЕКРАСНЕЕ ВЕЛИЧАЙШИХ ПАМЯТНИКОВ!

Степан ОЛЕЙНИК

НАРОДНЫЙ АРТИСТ

Для сведенья всех: из села Соколино,
Где воздух, как песня, прозрачен и чист,
Приехал в столицу родной Украины
Петро Чикаленко, народный артист!

Конечно, в короткой афише-рекламе
Подробно нельзя рассказать обо всём...
Сегодня я словно в долгу перед вами,
Пока не смогу рассказать вам о нём.

В солдатской шинели и в шапке-ушанке
Полтавский солдат Чикаленко Петро
На фронте нам пел в отсыревшей землянке
Про матушку Волгу, про буйный Днипро.

В походе всегда он лихой запевала,
В бою замечательный артиллерист.
Солдаты о нём говорили, бывало:
— Ну чем он, друзья, не народный артист!

В тяжёлых боях проверяются люди.
Мы знали, Отчизна ему дорога:
Так быстро и точно нацелит орудье,
Что в щепки летят укрепленья врага,

Что в прах разлетаются вражьи траншеи
Под взрывы и грозный раскатистый свист!
Не раз говорил командир батареи:
«Недаром его называют — артист!»

Потом он на тракторе выехал в поле,
Стал труд его подвигам ратным сродни.
И стали за ним на колхозном раздолье
Густая пшеница, спелы ячмени.

И слава о нём разнеслась по району:
Ведущий в районе Петро тракторист!
Когда тракторов он выводит колонну,
Посмотришь и скажешь: — Ну, прямо артист!

К нам песня частенько доносится с поля,
Он песней всегда украшает свой труд.
Ну как не заслушаться нам поневоле,
Когда он поёт: «Вот солдаты идут...»!

А в клубе начнёт выступать перед нами
Колхозного хора ведущий солист,
То деды, и те лишь разводят руками:
— Ну, что ты тут скажешь! Народный артист!

И вот он приехал в наш Киев-столицу,
Известный певец Чикаленко Петро.
Умело поёт он, и сеет пшеницу,
И множит колхозное наше добро.

В театре столичном оркестр заиграет,
И пять микрофонов расставит радист...
Сегодня, товарищи, здесь выступает
Петро Чикаленко, народный артист!

Перевёл с украинского
А. НИКОЛАЕВ.

«Хостени» в гостях у «Крокодила»

11 января исполняется 10 лет со дня провозглашения Албании народной республикой.

Албанский сатирический журнал «Хостени» — родной брат «Крокодила». Сегодня он у нас в гостях.

Хостени — это заострённый шест, которым в Албании погоняют волов.

Недавно «Хостени» отмечал своё десятилетие. В юбилейном номере по этому случаю была помещена следующая справка от редакции.

АНКЕТНЫЕ ДАННЫЕ

В день юбилея, когда «Хостени» поднимает тост за здоровье тысяч своих читателей, многие из них обращаются к нам с просьбой ответить на некоторые вопросы автобиографического характера. Охотно идём им навстречу.

Вопрос. Ваше место жительства, дорогой «Хостени»?

Ответ. Тирана, улица Баррикад. Но, вообще-то говоря, у меня нет определённого места жительства. Вы можете найти меня всюду, где ещё есть недостатки, ошибки, предрассудки, пороки.

Вопрос. Ваша специальность?

Ответ. Прежде я погонял волов, а случалось, поднимался и на помещиков. В августе 1945 года я переменил профессию: стал журналистом, писателем, художником. С тех пор я не устаю бить своим остриём по любителям агрессивных авантюр, предателям, кулакам и прочим недругам. Занимаюсь этим и по сей день.

Вопрос. Чем пользуетесь в своей работе?

Ответ. Как я уже сказал, основное моё оружие — остро заточенный хостени. А в некоторых случаях я ограничиваюсь лишь безобидной школьной указкой.

Могу заметить, что лучшей приправой для приготовляемых мною сатирических блюд являются соль и перец. И, как ни странно, чем больше их, тем вкуснее блюдо. Добавляю я и такие ароматические пряности, как юмор, ирония, сарказм. Словом, стараюсь добиться того, чтобы блюдо было и острым и высококалорийным.

Вопрос. Каким имуществом владеете?

Ответ. На первых порах у меня было четыре страницы, спустя два года я располагал восемью, а с августа 1950 года владею уже двенадцатью. Однако вы можете убедиться, что одышкой я не страдаю и моё остриё не притупилось.

Вопрос. На каком языке вы говорите?

Ответ. Мой родной язык — сатирический. Но моя профессия заставила меня близко познакомиться и с другими языками: языком бюрократов и глушителей критики, болтунов и склочников, подхалимов и лицемеров, кулаков и спекулянтов. Пользуюсь этими языками свободно, обхожусь без словаря.

Вопрос. Ваши родственники?

Ответ. Мои родственники — это мои собратья по сатирическому перу: «Крокодил» в Москве, «Маньхуа» в Пекине, «Стършел» в Софии, «Уранка» в Бухаресте, «Лудаш мати» в Будапеште, «Дикобраз» в Праге, «Рогач» в Братиславе, «Шпильки» в Варшаве, «Ойленшпигель» в Берлине, «Хуальсал» в Пхеньяне... Моя сестра — эстрада, мои дети — сатирические уголки стенных газет, мои корреспонденты — это весь народ, рабочие и крестьяне, учёные и писатели, юноши и девушки всей страны. Все они желанные гости в моём доме.

Вопрос. Привлекались ли к судебной ответственности?

Ответ. Моё знакомство с судом ограничивается тем, что я нередко вижу на скамье подсудимых шпионов и диверсантов, саботажников и предателей, купленных империалистами.

Вопрос. Как отразились на вас успехи строительства новой Албании?

Ответ. Это очень хороший вопрос. Но я ограничусь только одним примером. Сейчас в деревне на смену волу и хостени приходит могучий трактор. Но я всё-таки не остаюсь у разбитого корыта: даже там, где гудят тракторы, для меня находится немало работы.

Вопрос. Как вы относитесь к кулаку?

Ответ. У нас натянутые отношения. Со дня моего рождения кулак стоит у меня на самом видном, самом, можно сказать, «почётном» месте. Я по сей день угощаю его отборнейшими сатирическими блюдами. Словом, я оказываю ему такой горячий приём, что между нами не может быть никаких тёплых отношений.

Вопрос. В каких больших стройках вы принимали участие?

Ответ. Во всех. Однако натура у меня такая, что итоги наших достижений я люблю оценивать по самочувствию наших врагов. Я вижу, как сахар комбината Малика отравляет их, как гул тракторов оглушает их, как слепит их свет наших гидроэлектростанций, как задыхаются они от белоснежного хлопка плантаций Мюзеке.

Вопрос. Имеете ли вы взыскания?

Ответ. Должен признаться, что читатели не раз делали мне выговоры за не всегда высокое качество приготовляемых мною блюд, о которых я уже говорил выше. Я не обижаюсь на моих друзей-читателей за то, что и в эти юбилейные дни получил от них немало замечаний.

Вопрос. Каковы ваши перспективы?

Ответ. Начиная второе десятилетие своей деятельности, я обещаю работать так, чтобы получить от читателей аттестат сатирической зрелости.

Перевод с албанского.

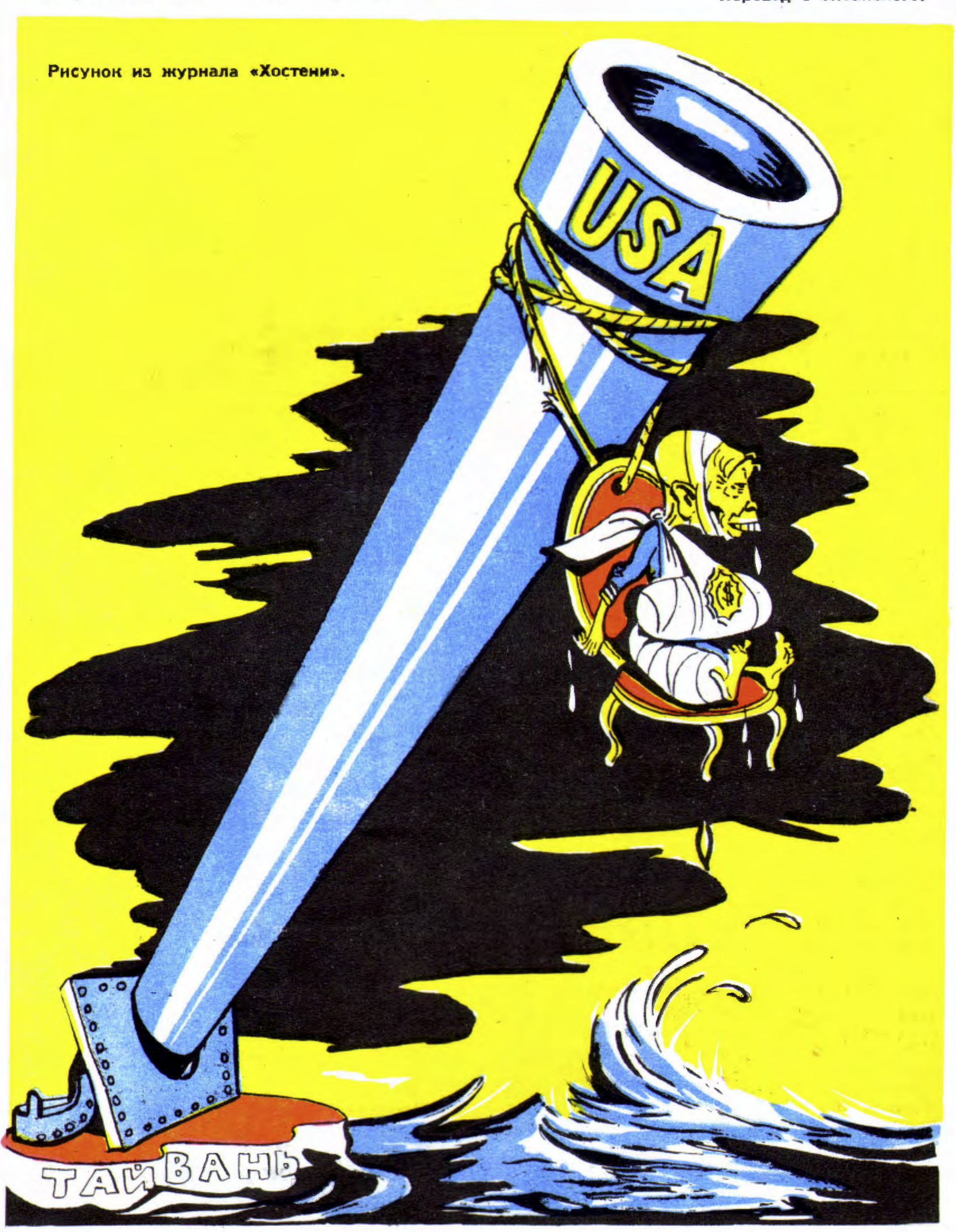
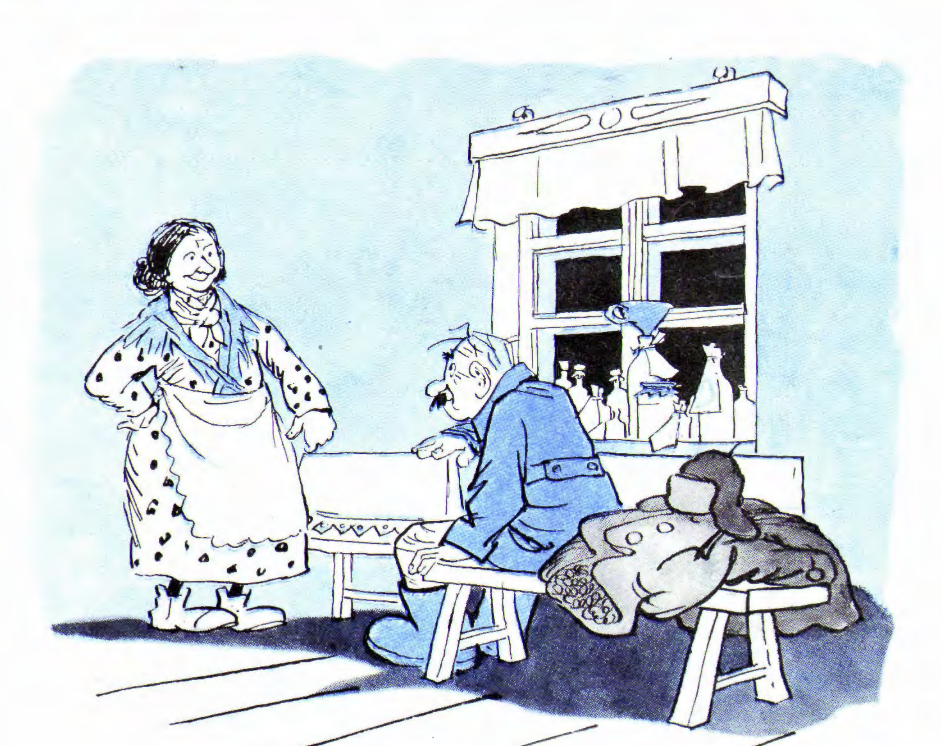

Рисунок из журнала «Хостени».

Стратегическая позиция Чан Кай-ши.

Варвара КАРБОВСКАЯ

Рисунок Е. ГОРОХОВА.

НА НЕРВНОЙ ПОЧВЕ

Дмитрий Акимыч Ползунков остановился и повернулся спиной к ветру, чтобы немного передохнуть. Ветер дул тот самый, северо-западный, о котором предупреждали с утра по радио. Но градусов было, пожалуй что, не двадцать пять, а все тридцать. В такой лютый мороз лучше бы сидеть дома, в жарко натопленной горнице, и заниматься чем-нибудь по желанию: снова слушать радио или заставить жену напечь блинов... С тех пор, как Дмитрий Акимыч перестал числиться председателем колхоза, у него была возможность заниматься по желанию любым делом. Но дома не сиделось. Всё хотелось доказать кому-то, что он прав, а все кругом виноватые. Что он обиженный, а все — обидчики. И, наконец, что все здоровые, как бугаи, — вот пускай и ворочают! — а он хворый. А отчего хворый? Оттого, что сгорел на работе...

Вот именно для доказательства своей неспособности к труду из-за болезни, которую никак не распознают врачи, он и отправился в районную больницу, шесть километров в оба конца, по тридцатиградусному морозу.

Теперь он возвращался из больницы домой, и у него было достаточно свободного времени, чтоб на досуге подумать о своей болезни, о здоровье и вообще о том, как дальше жить.

«Конечно, есть председатели и лучше. Он тебе и в газете, он тебе и депутат, он и мало что не святой. А есть и хуже меня, грешного, однако никто их с места не сживает. Кому как повезёт...»

Сказавши эти слова вслух, Ползунков оглянулся, хотя отлично знал, что на всём белом поле, где крутилась только позёмка под ногами да над головой гудели провода, никто расслышать этих слов не мог. Он ведь нарочно с дороги свернул на занесённую снегом стёжку над оврагом. На дороге могли попасться конные попутчики, предложили бы: «Подвезём?» Это его-то, Ползункова, когда ещё совсем недавно он катал по этой самой дороге и на беговых дрожках и на двуколке, запряжённой гнедым жеребцом, а последнее время так даже на... эх, неохота вспоминать, растравлять раны!

В карманах у него позвякивали пузырьки с бесполезными лекарствами. Не выбрасывал он их в овраг только потому, что собирался поставить дома на подоконнике, чтобы все проходящие видели: Ползунков лечится. Зря лекарств ведь не пропишут, — значит, действительно укатали сивку крутые горки, уж теперь ему не до работы. Может, кто и подумает: мол, и грехи-то его все были от болезни — и пьянство и превышение власти... Очень просто, на нервной почве...

О том, какая у него хворь, Дмитрий Акимыч знал лучше всякого врача, но даже сейчас, один на один с самим собой, он не признался бы, что хворь его — злость. Такая злость, что и сам себе не мил! А уж все остальные, начиная с нового председателя, — сгинь, пропади пропадом, никого не жалко!

Самым главным возбудителем болезни была прилипшая, как репей к коровьему хвосту, кличка «бывший».

Не первый раз Ползункова снимали с должности. Но всегда всё как-то так оборачивалось, что снимут и тут же куда-нибудь сунут. И он, как неуспевающий ребёнок, которого сердобольные родители из одной школы переводят в другую, был уверен, что родители не откажутся от него, не бросят на произвол судьбы и Митюше всё равно хорошо будет житься на белом свете.

А тут сняли... да что уж там — сняли, прямо выгнали из председателей и никуда не пристроили. Как будто забыли про человека.

Сперва он держался гордо, с таким видом, как будто у него, Ползункова, вся жизнь ещё впереди. И вдруг кто-то, кого он даже не припомнит, прилепил ему эту кличку. До сих пор говорили: «бывший председатель колхоза». А тут два последних слова отвалились и осталось одно — «б ы в ш и й».

Казалось бы, чтоб скорей отделаться от скверной клички, надо пойти к новому председателю и сказать как ни в чём не бывало: «А ну, чего нынче делать? Сбрую чинить или подмогнуть ремонтировать свинарник?» Но тут-то и навалились все хвори разом: и злость, и гордость, и обида.

А что, как новый председатель сам подойдёт и спросит: «Не думаешь ли ты, Дмитрий Акимыч, поработать, навоз повозить или пошорничать, благо это твоя первоначальная специальность?..» И что ему тогда отвечать? Дескать, не желаю, считаю для себя низким?.. Это подумать про себя можно, а говорить такие вещи вроде как бы не рекомендуется. А тогда что же? Фартук надеть и идти шорничать, так, что ли?

И чтоб всего этого не случилось, Ползунков стал ходить по врачам, предоставляя им самим догадываться, какая именно у него хворь.

Он ходил по врачам, а за ним по пятам ходила окаянная кличка «бывший».

— Да ты понимаешь, что это такое значит? — не повышая голоса (теперь уж он был не начальство), однако со строгостью, спросил он однажды у Андрея Федотова, подозревая, что не кто другой, как он, языкастый кузнец, пустил гулять по свету обидную кличку.

Федотов равнодушно поглядел в сторону, но под равнодушием Ползунков сейчас же разгадал насмешку.

— Как не понимать! Бывший, — стало быть, не сегодняшний, а вчерашний.

Ползункова так и тянуло сказать: «Дурак ты сегодняшний», — и он некоторое время тому назад сказал бы это, не задумываясь, потому что запросто говаривал слова и похуже, но теперь он сдержался и только сокрушённо вздохнул:

— Э-эх, значит, которого человека с работы сняли, тот, стало быть, уже не человек, а бывший? Так, по-твоему?

— Смотря как кто, — уклончиво ответил Федотов. — Если человек осознал, что в капитанах ему трудновато, и что он очень просто может посадить корабль на мель, и он с охотой спускается поработать в машинное отделение, то он всё равно имеет звание матрос, а никакой не «бывший».

— Э-эх! — ещё безнадёжнее вздохнул Ползунков. — Да ты знаешь, кого тридцать с лишним лет тому назад бывшими людьми обзывали? Капиталистов, помещиков, буржуев! А ко мне разве этакая кличка подходит? К коренному крестьянскому сыну, к советскому колхознику?!

Федотов тоже вздохнул, но не сокрушённо, а так, как вздыхают от скуки, и сказал:

— Коренной ты сын, это верно. А что колхозник ты — это неправильно. Бывший председатель — вот и всё твоё звание.

И крыть было нечем. И даже злость сорвать не на ком. Разве что дома, на жене? Но жена умела во-время посочувствовать, а где надо, подлить масла в огонь.

Вот и теперь она встретила его на крыльце и проговорила громко и слёзно, чтобы слышала соседка, идущая с вёдрами от колодца:

— Господи, довели человека! Играли-играли на нервах и доигрались. Полного инвалида из моего мужа сделали. И меня хвори, как на грех, одолели. Видно, тоже под холстинку пора.

Убедившись, что соседка расслышала и про «полного инвалида» и про «холстинку», она пропустила мужа в сени, захлопнула дверь и заговорила быстро и деловито:

— Сороки-верещалки, злыдни-гады, во всё своими носами суются! Ребёнка, и того в покое не оставят.

— Какого ещё ребёнка? — сурово, как в бытность свою председателем, спросил Дмитрий Акимыч.

— «Какого, какого»!.. А у тебя их много нарожёно? — обиделась жена. — Оленьку, вот какого! Сказывают: наверно, свою прынцессу прынцыпиально к работе не допускаете...

— А ты что? — голос Дмитрия Акимыча прозвучал так грозно, что жена оробела: уж не на неё ли сердит? — и решила не сознаваться, как отлаяла женщин, посмевших задеть её Оленьку.

— Да я, Митюша, хотела было им сказать вежливо...

— Ну и дура, что вежливо! Я бы на твоём месте так их... чтоб в другой раз неповадно было!

— Ой! — жена обрадовалась, что муж на неё не сердит и что можно похвалиться, как она отстаивала своё и оленькино право не выходить на работу. — Я ведь думала: ты не велишь ругаться-то. А уж я так-то их срамила! Машке говорю: твоя, говорю, девка одну семилетку осилила, пускай она и сидит под коровой с подойником. А моя доченька не для того в городе училась, не для того первую половину техникума закончила...

— А она что? — сурово спросил Дмитрий Акимыч.

Жена, донельзя довольная, что муж интересуется её разговором с соседкой, вся раскраснелась и даже подбоченилась, показывая, как она смело противостояла атаке.

— Машка говорит: ты, говорит, бывшая председательша, и больше ты как есть ничего, бесполезный грыб, вроде мухомора! На своём, говорит, участке ковыряешься, мешки на рынок таскаешь, а на колхозную работу идти — так тебя болезни расхватывают!.. И дочка твоя, говорит, бывшая студентка, а теперь из-за неуспеваемости — никто! И муж твой, говорит, бывший...

Но тут она увидела, что переплеснула лишнего масла в огонь.

Дмитрий Акимыч тяжело поднялся с лавки, упёрся кулаками в стол и так пронзительно поглядел на жену, как, бывало, на собраниях пронзал взглядом того из колхозников, который начинал наводить критику на него, на самого Ползункова.

— Чтоб я этого паскудного слова в своём дому не слыхал! Понятно?

— Да господи, да батюшки! — воскликнула жена так возмущённо, чтоб сразу стало понятно: она сама готова разорвать в клочки всякого, кто называет её Митюшу «бывшим».

— То-то вот! — внушительно произносит Дмитрий Акимыч, снова плотно усаживаясь на лавку. — И запомни и людям скажи: меня никто не может заставить работать! У меня вот они, пузырьки, на окошке, накося выкуси! Председатель-то я, может, и бывший, а нынче я гражданин, нуждающийся в медицинской помощи на почве нерв. Небось, голой рукой ежа не возьмёшь!

Жена с уважением и даже с некоторой завистью поглядела на пузырьки, выставленные на подоконнике, и произнесла жалостливо:

— Ведь вот жила я, Митюша, за тобой, как за каменной стеной, никакой медициной на чёрный день не запасалася. Ни к чему было.

Она вздохнула, но, будучи по натуре женщиной предприимчивой и сообразительной, тут же добавила деловито:

— А уж пузырьками и мы с Оленькой разживёмся. Чтоб у женщины да какой-нибудь хвори не нашлось, — этакого не бывает! Не там подпирает, так в другом месте жжёт! Поди прощупай, это тебе не курица! И пускай те, которые здоровые, ворочают, а мы и с приусадебного сыты будем!..

Громкий стук в окошко прервал её слова. Оба они, и муж и жена, приникли к стеклу. Сперва увидали только варежку, а затем разглядели и того, кто стучал, — Сашку Федотова, кузнецова парнишку, который добровольно исполнял должность курьера во всех важных случаях колхозной жизни. Жена распахнула форточку.

— Акимыч дома? — сурово спросил Сашка, сбивая ушанку со лба на затылок. — Чтоб он и чтоб ты обязательно в шишнадцать ноль-ноль приходили на собрание. Председатель сказывал: вопрос об лодырях. Важно. Чтоб обязательно, ага?

Дмитрий Акимыч с шумом захлопнул форточку. Жена испуганно поглядела на него и вскрикнула со слезой в голосе:

— Господи! Какие такие лодыри, и где только они сыскали этих лодырей? Все кругом как есть сознательные, а те, что больные... Ну, уж с тех не взыщите!..

И сыпала и сыпала словами...

В ОДНОЙ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Рисунок К. ЕЛИСЕЕВА.

— Надо обратить внимание на нашу комсомольскую организацию.
— Разве есть тревожные сигналы?
— Нет.
— Так на что же мы будем обращать внимание?!.

Н. ВОРОБЬЕВ

ТРИ ТОЧКИ ОПОРЫ

Недавно мне рассказали презабавную историю о проделках одного досужего фантазёра. Послушайте, как было дело. Этот пустомеля решил позабавиться и поводить доверчивых людей за нос. Что он сделал? Взял кухонный топор, отесал три полена, скрепил их в виде треугольной пирамидки, а сверху пригвоздил кружок, вырезанный из фанеры. Получилась тренога, напоминающая собой подставку для цветочных горшков, и с этой треногой он направился к заведующему горкомхозом.

— Я изобретатель,— отрекомендовался он.— Автор проекта «СТБ».

— Очень приятно! — ответил заведующий любезно.— Садитесь, рассказывайте!

Изобретатель поставил свою треногу рядом с креслом заведующего и присел на фанерный кружок.

— Видите?..— сказал он многозначительно.

— Вижу! — недоуменно ответил заведующий горкомхозом.

— То-то и оно! Сижу на трёх опорах, а вы — на четырёх. И стол у вас о четырёх ногах. И стулья. Эвон сколько их, четвероногих! — Изобретатель окинул взглядом просторный горкомхозовский кабинет.— А знаете ли вы, во что обходится государству четвёртая опора?

— Я не понимаю вас, товарищ!

— Не прикидывайтесь наивным ребёнком! Четвёртая опора — это горы деловой древесины, миллионы человекодней лесорубов. Опять же перевозки, распиловка, полировка. А ради чего?! Стул может стоять и на трёх ногах... Ежели мы стреножим продукцию мебельных фабрик, страна сбережёт тысячи кубов леса, получит миллионы рублей годовой экономии. Извольте ознакомиться с моим проектом «СТБ», что значит «стул треногий, без спинки»!

— Добро! — сказал заведующий примирительно.— Ваше предложение мы обсудим.

Неделю спустя секция рационализации и изобретательства обсуждала проект «СТБ». Специалисты горкомхоза говорили коротко и внятно: «Ерунда», «Сущая безделица», «Плод убогой фантазии». Заведующий слушал и сам так думал. Но в голову лезли иные мысли. «А ну как этот самый изобретатель бабахнет жалобу?! Скажут, нечуткое отношение, бюрократизм, горкомхоз против экономии. Иди тогда объясняйся! Нет уж, дудки! Пусть объясняются другие».

— Моё мнение таково,— подытожил вслух заведующий,— переслать всю эту музыку в горсовет. Ему сподручнее...

Заместитель председателя горсовета, получив пакет и треногу, долго ломал голову: как быть?! «Придумает же этакое, пустоболт! А горкомхоз тоже хорош! Взять бы, да и решить вопрос у себя, так нет, спихивает в горсовет. Эх, брошу вот сейчас в камин — и делу конец!.. Нет, погоди горячиться. Там вон расчёты какие-то... Тысячи вагонов леса... Ишь ты! Экономия?! Да... Ну, тем лучше. У меня в городе одна мебельная фабрика, а на территории области — четыре. Кому, как не облисполкому, решать такие вопросы?»

Зампредгорсовета нажал кнопку. На звонок вошла секретарша.

— Слушайте,— обратился он к ней.— Вот эту скамейку и пакет отправьте с нарочным в облисполком. Пусть вручат человеку, ведающему промышленным отделом.

А тот, пробежав глазами по проекту, размашисто начертал на нём резолюцию: «Директору фабрики «Гнутое кресло». Направляю на Ваше личное усмотрение».

...Так безделица фантазёра под таинственным девизом «СТБ» обошла семнадцать учреждений и... замкнула круг. Кипа бумажек и тренога, сколоченная из трёх поленьев да из куска фанеры, снова попали в горкомхоз.

Всё это можно было принять за выдумку остроумного рассказчика и не предавать её широкой гласности, если бы... Да, да, если бы не произошла очень похожая история.

Некий Иван Денисович Гончаров первый раз переступил порог Министерства сельского хозяйства СССР летом 1951 года. Он явился в отдел рационализации и изобретательства к Георгию Петровичу Шинкаренко, уселся в кресло, не спеша закурил папиросу и, затянувшись, доложил:

— Я изобретатель Гончаров! Мне удалось модернизировать три точки опоры тракторного плуга. Обод полевого колеса я уширил на пятнадцать сантиметров, бороздового — на десять и заднего — на пять сантиметров.

— Что это даст? — поинтересовался Георгий Петрович.

— Как что?! — удивился Гончаров.— Дополнительно пять — шесть центнеров зерна с гектара...

Георгий Петрович терпеливо слушал гостя и про себя формулировал ему ответ. У него в мыслях уже сложились два пункта: «а» и «б». Первый должен был гласить: «С уширением колёс, дорогой товарищ, вы очень запоздали. По предложению трактористов увлажнённой зоны наша промышленность начала выпускать плуги с широким ободом». Во втором пункте Шинкаренко хотел деликатно намекнуть изобретателю на его агрономическое невежество. «Одно уширение колёс,— собирался сказать он,— не может дать такую прибавку урожая. Для этого нужна сумма агротехнических приёмов». Так мыслил Шинкаренко, а вслух сказал совсем иное:

— Ваше рацпредложение, товарищ Гончаров, мы взвесим.

И началось «взвешивание».

Начальник отдела рационализации и изобретательства Ф. А. Синёв с укором обращается к своему заместителю Г. П. Шинкаренко:

— Зря вы, Георгий Петрович, заварили эту кашу!

— Каюсь, Фёдор Андреевич, не хватило смелости отказать.

— Что ж делать будем?

— А я уже сделал, Фёдор Андреевич. Материалец Гончарова пошёл, так сказать, в ярославские места.

— Почему в ярославские, а не в костромские или в вологодские?

— А потому, Фёдор Андреевич, что Гончаров живёт и здравствует на ярославских землях. Он агроном Мологской МТС Рыбинского района. Пусть обмозгуют его предложение на месте!

И в Ярославле «обмозговали». Работники областного управления сельского хозяйства, ничтоже сумняшеся, сочинили новую препроводиловку, подкололи её к бумагам, и заказной пакет опять полетел в Москву. На сей раз он попал не к Шинкаренко и Синёву, а к Девяткову — начальнику отдела эксплуатации Главного управления МТС.

— Эк угораздило его ко мне! — воскликнул А. Ф. Девятков, листая пухлую подшивку разноцветных бумажек.— Другие отписываются, а я что, у бога телёнка съел?! Снесу-ка я его Петру Аркадьевичу Коломийцеву. Он член коллегии и к машинам отношение имеет. Авось, скажет своё веское слово!

...Велик и обширен дом Министерства сельского хозяйства в Орликовом переулке. С этажа на этаж, из кабинета в кабинет катится «Дело мологского изобретателя», растёт, как снежный ком. Вот оно миновало уже заместителя министра П. С. Кучумова, прогрохотало через стол Г. С. Ситникова из Главсельснаба, метеором пронеслось по комнате А. Ф. Барсукова из Управления новой техники и могучей лавиной обрушилось на... тот самый отдел рационализации и изобретательства, где зародилось четыре года назад.

— Ну и ну! — воскликнул Ф. А. Синёв.

— Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! — поддержал его Г. П. Шинкаренко.

А Иван Денисович Гончаров, воодушевлённый тем, что вовлёк в свою орбиту десятки людей, продолжает наращивать снежный ком. Он строчит заявления во все инстанции, требуя незамедлительной выплаты гонорара.

— Я сделал открытие! — вопит Иван Денисович.— Я дал стране сто миллионов пудов добавочного хлеба! Где же соответствующее вознаграждение?

— Давайте, Фёдор Андреевич, выпишем ему, чтоб отвязаться,— предложил Шинкаренко.

— Придётся выписать, Георгий Петрович! — сказал со вздохом Синёв.

Гончарову вручили чек на полторы тысячи рублей. Тот сходил в кассу, расписался, положил деньги в карман, потом зашёл к Синёву и Шинкаренко и вместо «спасибо» грозно крикнул им:

— Не я буду, ежели не выколочу из вас сто тысяч рублей!

Минула золотая осень 1955 года. Пернатые из-под Рыбинска давным-давно улетели на юг. А стаи жалоб из тех мест летят и летят в Москву. Гончаров настойчиво требует кругленького гонорара в сто тысяч целковых.

Мы попросили Рыбинский райком партии сообщить своё мнение о Гончарове. Райком охотно выполнил нашу просьбу. И перед нами встал образ бездельника и редкостного сутяжника-вымогателя.

...Среди потока подлинных новаторов нет-нет, да и объявится какой-нибудь фантазёр со своим колченогим проектом. Пользуясь внимательным отношением к посетителям в советских учреждениях, подобные пустомели выискивают для себя точки опоры и нередко ещё находят их. Перестраховка, нерешительность, боязнь ответственности — вот три точки опоры для пройдох типа Гончарова и иже с ним. Уцепившись за эти точки, пустоболты наглеют, отнимают у людей уйму дорогого времени, а случается, что и вырывают для себя солидный куш.

Вл. ДЫХОВИЧНЫЙ,
М. СЛОБОДСКОЙ

Рисунки К. РОТОВА.

— «Вечер был, сверкали звёзды,
На дворе мороз трещал...»
Непечатной бранью воздух
Подсудимый оглашал.
В состоянье опьяненья.
Наводя на встречных страх,
Из пивного заведенья
Вышел он с ножом в руках.
Произвёл он разрушенья,
Нарушенье тишины,
Оказал сопротивленье
Указаньям старшины.

Он кричал: «Не тронь, зарежу!»
Но, захваченный с трудом,
Был он связан, обезврежен
И стоит перед судом!..
Состояние подпитья
Не смягчает приговор...
Изложив суду событья,
Речь закончил прокурор.
Обстоятельства известны.
Нет вопросов!
Есть вопрос!
Проследить нам интересно,
Как он жил! И как он рос!

Он сейчас рукой закрылся,
Он сгорает от стыда.
Ну, а как он докатился,
Как дошёл он до суда!
. . . .
С детства, с самого рожденья,
Шли его младые дни
Под сплошное одобренье
Очень добренькой родни.

Для родных великолепен
Каждый из его шагов:
Начертил квадрат,— он Репин!
Спел «Катюшу»,— Пирогов!

— Одарённая натура!
— Вы заметьте, например,
Как он в фразе «мама — дура»
Выговаривает «эр»!
— Он же просто молодец:
Как он плюнул в холодец!
— Как чернильницей попал он
В тётю Маню, наконец!
. . . .

Вёсны вянут, зимы тают,
Новый снег метёт по льду...
И малютка вырастает
В абсолютного балду.

Фу-ты, ну-ты, ножки гнуты!
Он идёт по мостовой,
Три ругательства в минуту —
Прямо график часовой!
Три ругательства в минуту!
И при этом почему-то,
Чуть подходит постовой,—
Много добреньких прохожих
Сразу лезут вон из кожи,
На защиту хулигана
Вставши стенкою живой:
— Он ругался инстинктивно!
— Он курил в метро шутя!
— Он активно — реактивно —
Дефективное дитя!
— Он вам высадил стекло!
— Так на улице ж тепло!
— А у парня это возраст,
Это — временное зло!

— Вот пройдут болезни роста,
Мирно он врастёт в семью...
. . . .
Так-то так!.. Но очень просто
Поросёнок в ходе роста
Превращается в свинью.
Всю квартиру спьяну будит,
Поднимает кутерьму...

Всё же добренькие люди
Вновь сочувствуют ему:
— Он из ванной на пол выпал,—
Бедный, выбился из сил!
— Он, бедняжка, много выпил
Или мало закусил!
— Он устал: он бил жену,
Уморился — и ко сну!
— Не тревожьте человека,
Соблюдайте тишину!..
Дескать, пьяница проспится!..
Забывают лишь о том:
Он проспится, чтоб напиться,
А напьётся, чтоб взбеситься,
Бить, буянить, материться
И... предстать перед судом.
Совещаться вышли судьи,
И, тайком косясь на дверь,
Люди, добренькие люди
Удивляются теперь:
— Что ж катился он всё ниже!
— Как дошёл он до суда!
— Он же с нами был, а мы же
Были добрыми всегда!..

Суд войдёт... Преступник встанет...
. . . .
Подводя всему черту,
Вряд ли суд добром помянет,
Люди, вашу доброту!

МОЛОЧНЫЕ БРАТЬЯ

РЕЙД КРОКОДИЛА

Рисунки Е. ЩЕГЛОВА.

ЛОШАДИНАЯ МЕХАНИЗАЦИЯ

Прикомандированный к скотному двору водовоз Прохор Ковылин совершал регулярные рейсы по маршруту коровник — река — коровник. Согласно инструкции, данной председателем колхоза, в обязанности Прохора входило:

а) запрячь мерина Пегаша в сани, на которых лежала пузатая бочка;

б) поехать на реку, к проруби;

в) с помощью черпака наполнить бочку водой;

г) привезти бочку к коровнику и слить воду в корыто.

Крокодил познакомился с Прохором Ковылиным в тот момент, когда водовоз, выполнив пункт «б» (поехать на реку, к проруби), делал подготовительные работы к операции по пункту «в» (с помощью черпака наполнить бочку водой). Прохор стоял на запорошённом льду реки Воронеж и увесистой пешнёй обкалывал края проруби.

— И-раз! И-два! — командовал он сам себе.— И-раз, будь ты неладен! И-два, чтоб тебя домовой слопал!

Крокодил поинтересовался у водовоза, кого это он хочет отдать домовому на съедение.

— Мороз! — ответил Прохор.— Мороз, чтоб ему провалиться! Опять всю мою технологию испортил!

Воткнув пешню в лёд, водовоз пояснил:

— Как мороз ударит, так хоть караул кричи! Прорубь замерзает. А потом, пока нальёшь, пока довезёшь, вода наполовину в лёд превращается. Бывает и похуже: навозишь воды на ночь, а утром, глядишь, она замёрзла.

— В коровнике?

— Если бы у нас коровники были настоящие! А то ведь так себе, шалаши какие-то. Ветер в них гуляет, коровы ёжатся, доярки нервничают.

— Надо новые коровники строить, механизацию на фермах вводить,— посоветовал Крокодил, вспомнив, что именно такой совет дают многие наши газеты.

— Мы, товарищ Крокодил, уже слышали такие советы,— усмехнулся водовоз.— К нам много всякого народу приезжает, и все так же вот советуют: стройте, механизируйте! Из чего строить-то? Материалу где взять? Кто будет строить? Своей строительной бригады у нас нет. Опять же с водой канитель сплошная. Говорят, будто теперь научились колодцы быстро строить. Опустят трубу в землю, поставят насос, и воды хоть залейся. А у нас вот она, вся механизация, — он кивнул в сторону лошади,— системы «Но-один».

Прохор наполнил бочку водой и, дёрнув вожжами, крикнул:

— Но, механизация!

Он торопился выполнить четвёртый пункт председателевой инструкции — пункт «г» (привезти бочку к коровнику и слить воду в корыто).

— Ты, товарищ Крокодил, в других колхозах побывай! — крикнул на ходу водовоз и помахал рукавицей. — В Липецкой области мы не одни такие!

Следуя совету водовоза, Крокодил решил побывать в Липецком районе.

«Район пригородный,— думал Крокодил,— под носом у областного начальства. Уж тут-то с животноводством, надо полагать, полный порядок. Молоко да сало, наверное, многие любят в областном городе Липецке!»

В НАДЕЖДЕ НА ДЯДЮ КУЗЮ

— С надоем у нас, верно, ничего,— пояснил Крокодилу зоотехник лучшего по надою колхоза имени Скороходова Александр Иванович Урбанович.— Могло быть лучше. Только вот беда: с помещениями для скота худо.

Действительно, коровник никак нельзя было назвать совершенным. Ветры любых направлений гуляли вдоль и поперёк убежища для парнокопытных. В телятнике на еле курившейся печке сидели скотницы и дули на озябшие пальцы. Всё здесь было, как в старину. Чтобы напоить животных, требовалось совершать непрестанные рейсы по маршруту коровник—река—коровник. Самая простейшая техника обошла стороной фермы колхоза имени Скороходова.

Крокодил решил поделиться своими наблюдениями с заместителем начальника областного управления сельского хозяйства по животноводству Г. Ф. Черепнёвым.

— Ты, товарищ Крокодил, не в тот район поехал! — упрекнул тов. Черепнёв.— Липецкий район в этом смысле нехарактерный. Поезжай в другой!

Не понимая, почему целый район является нехарактерным, Крокодил направился в Грязи. И хотя тов. Черепнёв не относил Грязинский район к числу нехарактерных, в лучшем хозяйстве этого района, в колхозе имени Коминтерна стояли те же шалаши, которые по недоразумению назывались животноводческими помещениями, с теми же сквозняками, носилками, кошёлками, без всяких намёков на механизацию.

— Надо бы новые коровники строить, — сказал председатель колхоза Сергей Фёдорович Череповский,— но нет материалов. Да и своей строительной бригады не имеем. А нанимать случайных мастеров — дорогое удовольствие...

На станции Грязи перед посадкой на поезд Крокодил видел, как восемь молодцов с топорами, пилами, рубанками «получали инструктаж» у щуплого щетинистого дяди.

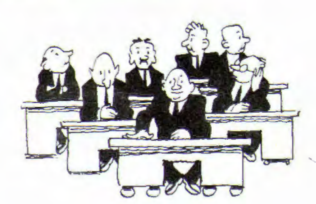
— Запрашиваем, ребята, сорок тысяч. Если председатель начнёт ломаться, снизим до тридцати. Останавливаемся на двадцати.

— Дядя Кузя, а если он не даст двадцать? — спросил паренёк с топором за поясом.

— Даст! — отмахнулся дядя Кузя.— Время подходящее, зима. А с ней, брат, шутки плохие! За падёж нынче знаешь, как греют! Он и тридцать отдаст, только сделай, пожалуйста!

Вот и ходят такие малоуступчивые дяди Кузи по Липецкой области, где есть и люди, и отделы, и даже целые управления, ведающие делами строительства в колхозах.

У СЕМИ НЯНЕК

Крокодил попытался подсчитать, сколько в Липецке людей и организаций, коим приходится заниматься колхозными строительными делами. Считал и сбился со счёту. Много таких организаций, больше, чем нужно. Тут и областное управление сельского хозяйства со штатом в сто сорок человек (за неполный год одной бумаги извели две тонны, да сто пятнадцать тысяч слов «пустили» на телеграммы); и областное управление по строительству в колхозах (есть и такая специальная организация, насчитывающая вместе с районными отделами сто десять человек); и управление по строительству прудов и колодцев; и управление местных (то есть своих, липецких) строительных материалов. В семидесяти восьми машинно-тракторных станциях тоже есть специалисты по строительству... Словом, много в Липецке людей, которые пьют колхозное молоко, пишут указания о стойловом содержании скота, информируют вышестоящее начальство о проделанной работе. А коровы мычат от холода и недопоя.

Крокодил поинтересовался, чем занимается областное управление по строительству в колхозах.

— Руководим строительством! — бодро ответил главный инженер этого управления В. С. Глебов.

— Но ведь колхозы строят без всяких планов и допотопными методами.

— Вот мы и наводим порядок...

— Какая у вас есть строительная техника?

— Автомобиль «ГАЗ-69».

После взаимного обмена мнениями Крокодил и В. С. Глебов пришли к выводу, что с помощью одного автомобиля ни коровника, ни свинарника не построишь. Ни в областном управлении по строительству в колхозах, ни во всех его тридцати четырёх районных отделениях нет даже молотка, чтобы гвоздь забить. Республиканское министерство городского и сельского строительства, создавая это управление, поступило, как некий отец поступил со своим сыном: отделил его от себя, поселил на краю деревни, дал в наследство котёнка и сказал: «Живи, как хочешь!».

Котёнком для Липецкого облколхозстроя оказался «ГАЗ-69».

В Грязинском районе Крокодилу сказали:

— Если бы мы могли напоить коров досыта, то получили бы в месяц ещё по двести килограммов молока от каждой коровы.

Этот крик «Воды!» донёсся не из пустыни, а с Окско-Донской низменности, где несут свои воды Дон, Воронеж, Красивая Меча, Сосна и множество других рек и речушек. Насытить всех жаждущих призвано областное управление по строительству прудов и колодцев (облводхоз). Но это управление аккуратно выполняет только свои «руководящие» функции, а колхозы бедствуют с водой...

В Липецке можно услышать и такие разговоры:

— Строительного камня у нас хоть завались! Четыре соседних области пользуются нашим камнем.

Это соответствует истине. Во многих местах камень выходит прямо на поверхность: бери, что называется, обрабатывай и строй! И обрабатывать его есть кому. В области, недалеко от обкома и облисполкома, находится специальное управление промышленности строительных материалов. Как оно «управляет», можно судить по тому, что о его существовании во многих колхозах даже и не подозревают.

Не так давно липецкие областные организации решили начисто покончить с кустарщиной в колхозном строительстве. Во дворе обкома и облисполкома представителям из районов было показано, как построить животноводческие помещения индустриальными методами. На глазах у изумлённой публики был воздвигнут каркас какого-то странного сооружения без стен, без крыши. Рядом уложили несколько шлакоблоков, которые в воображении зрителей должны обозначать стену.

Довольные таким показом, его организаторы разошлись. Каркас занесло снегом, и со строительством колхозных помещений всё осталось по-старому. Как и раньше, молочные братья из областных управлений изводят бумагу, пишут указания,— словом, делают вид, что в поте лица зарабатывают хлеб насущный.

А тем временем строительными делами ворочает дядя Кузя.

Со слов Крокодила записал И. КОСТЮКОВ.

Липецкая область.

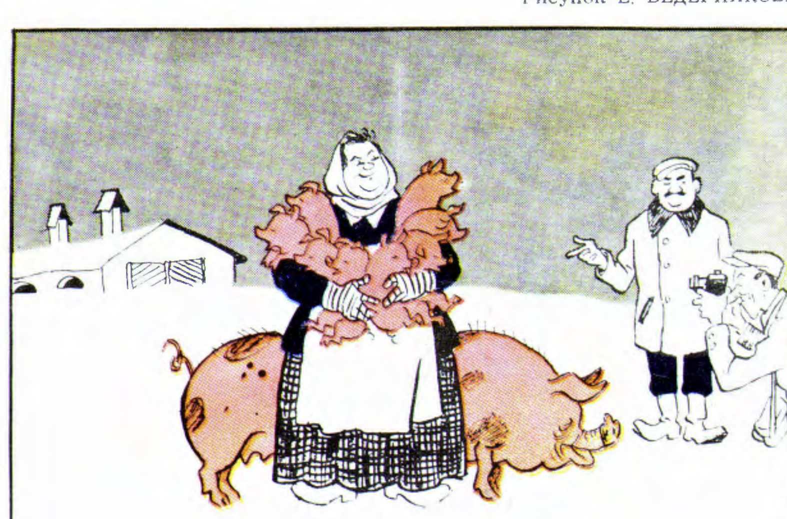
Рисунок С. КУЗЬМИНА.

Наблюдаются случаи, когда киномеханиками работают малоквалифицированные люди.

— Кто тебе сказал, что я подшиваю валенки?!
— Да все говорят, что ты сапожник.

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

— Сними, друг, заведующему фермой на память...

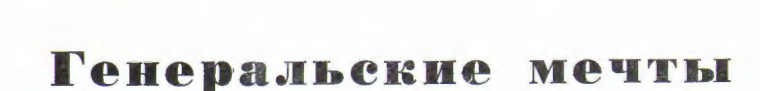
— Ну вот, спасибо!

Рисунок Ю. ГАНФА.

Реакционные круги на Западе продолжают поощрять провокационные вылазки бывших «государственных деятелей», изгнанных из стран народной демократии.

— Мне до сих пор платят как рядовому провокатору, а я ведь премьер-министр!

Генеральские мечты

По всему свету разбросана несметная рать всевозможных мечтателей и рассеяно неисчислимое количество разных мечтаний.

Поэт, отдыхая после погони за рифмой своенравной, мечтает о песне, которая зажгла бы человеческие сердца, о новой поэме, воспевающей любовь, дружбу, мир, счастье.

Учёный мечтает о великих научных открытиях, об атомной энергии, находящейся на службе у мирных людей, и... о сессии академии наук на Луне.

Здоровый, нормальный государственный деятель мечтает о перековке мечей на орала.

Многие мечтают.

Мечтает и мистер Кризи. Генерал-майор Уильям Кризи. Он мечтает о БВ.

Не думайте, что под этими скромными инициалами скрыто имя прекрасной дамы, пленившей сердце вояки,— что-нибудь вроде Бетти Вильмей или Берты Винчер.

Под инициалами БВ выступают далеко не прекрасные особы женского рода — сибирская язва, жёлтая лихорадка, чума.

Словом, БВ — это биологическая война.

Вот от кого без ума бравый кавалер. Надо полагать, что на его ночном столике красуются фотоснимки самых вредоносных микробов в разных заманчивых позах.

Американский журнал «Нейшн» недавно поместил статью, в которой рассказывается о мечте генерала Кризи. Так прямо и сказано:

«БВ — это мечта начальника химического корпуса армии генерал-майора Уильяма Кризи».

Генерал-мечтатель полагает, что чума лучше атомной бомбы. По крайней мере, ему, мистеру Кризи, чума очень и очень нравится.

«С помощью такой войны,— говорит он,— Соединённые Штаты могли бы повредить «человеческому элементу» неприятельской страны, её животноводству и урожаям...»

Он предвидит возражения, протесты, возгласы негодования не только за рубежом, но и в самой Америке. Но возражать, по мнению этого чумного генерала, могут лишь подозрительные лица, люди, причастные к «антиамериканской деятельности».

Стопроцентный американец должен быть всецело за чёрную оспу, жёлтую лихорадку и тому подобные цветные болезни, экспортируемые в страны противника; кто против — тот злодей, изверг и варвар.

Недавно генерал писал (и это печаталось!): «Лишать американские войска права использовать столь эффективное оружие было бы актом варварства в отношении нашего собственного народа».

Он рачительный хозяин, этот генерал. А поэтому он против ядерного оружия, которое всё разрушает.

Обратите внимание, как он это тщательно продумал, взвесил, подсчитал. По словам журнала «Нейшн», Уильям Кризи «не может понять, почему отдают предпочтение ядерному оружию, уничтожающему как жизнь, так и имущество», в то время как БВ «уничтожает жизнь, но щадит имущество».

Не исключена возможность, продолжает мечтать Кризи, что «БВ станет обычным оружием» и тогда «дипломатам придётся надевать непроницаемые для микробов резиновые костюмы» при встрече с дипломатами других стран.

Вот каким диким бредом потчуют простых американцев господа вроде Уильяма Кризи!

Всё это делается для того, чтобы не допускать дальнейшего ослабления международной напряжённости, чтобы создать в США (цитируем «Нейшн») «такое царство истерии, какого никогда не бывало».

Но нам думается, что простой американский человек уже давно понял, куда клонятся тёмные мечтания мистера Кризи и ему подобных.

И этот простой американский человек не даст себя запугать жёлто-лихорадочным политиканам и генералам от чёрной оспы.

Е. ГРИГОРЬЕВ

Невероятно, но ФАКТ: русским известна кофейная мельница!

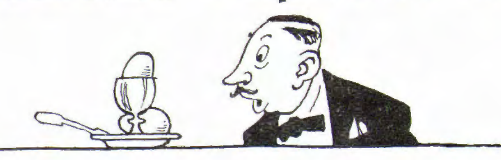
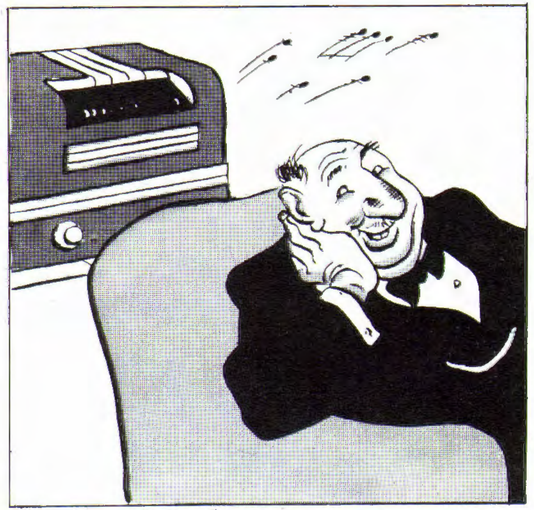

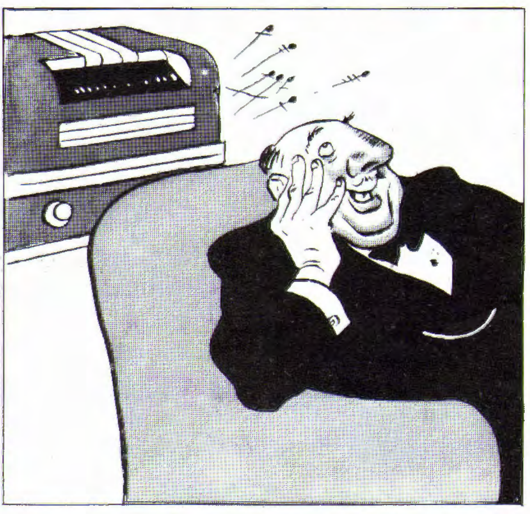
Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

— Ах, прекрасно!

— Ах, прелестно!

— Ах, превосходно!

— Ох, пр-р-ропаганда!

Специальные корреспонденты многих французских газет с борта парохода «Баторий» пространно описывали впечатления восьмисот своих соотечественников-туристов, ездивших открывать Советскую Россию.

«Маленький русский мальчик,— писал один из них,— пустил в нас бумажного голубя, который по техническим данным ничем не отличался от наших». Другой передал в редакцию замечание своей спутницы: «В Ленинграде я слышала колокольный звон!.. Уверяю вас, по звуку можно было судить, что для этих колоколов звонить — дело привычное».

Однако это — ничто по сравнению с тем, что смог увидеть корреспондент газеты «Утка», будучи в Советском Союзе.

«3 сентября, 11 часов дня.

Прибыли в Ленинград. Таможенный осмотр (оказывается, у них тоже!..). Стою перед таможенным служащим (мой первый русский!). Этот рослый индивидуум стоит вертикально. Кроме того, он говорит! Говорит непонятно, очевидно, по-русски, но, как бы там ни было, он говорит!.. Немедленно пошлю в свою редакцию молнию: «У русских членораздельная речь зпт они ходят вертикально тчк Ждите сообщений».

Детально исследую своего таможенника. На его лице не видно растительности. Неужто они бреются? Необходимо дополнить телеграмму.

11 часов 30 минут.

Как же я доберусь до гостиницы? В Париже я просто взял бы такси, но здесь, в этой стране... Однако что я вижу? Передо мной останавливается такси, шофёр отворяет дверцу... Совершенно сбитый с толку, я сажусь в машину. Свободное такси! Совсем, как в Париже.

Едем по городу. Я делаю поразительные открытия. Тротуары! Светофоры! Многоэтажные дома!

Полдень.

Гостиница. Ресторан. Первая советская трапеза. Тут, пожалуй, нечего надеяться на разнообразное меню. Решаюсь заказать через переводчика яйцо всмятку. Подают яйцо. В подставке (да, да, именно!). Беру подставку, верчу её так и этак, она имеет точно такой вид, как у нас: яйцеобразной формы, розовато-желтоватого цвета.

Осторожно разбиваю ложечкой яичную скорлупу. Всё на месте: белок, желток... Подумать только, ведь я нахожусь на расстоянии двух тысяч километров от Франции!

Подзываю официанта, спрашиваю: «Как вы добыли это яйцо?» Он внимательно выслушивает перевод. Вместо ответа принимает позу курицы, которая собирается снести яйцо. Из этого делаю вывод: у русских домашняя птица ни в чём не уступает нашей. «Кофе угодно?» — предлагает официант.

Вот это да! Оказывается, им известна и кофейная мельница!

14 часов.

Гуляю по городу. Вижу тысячи других самых невероятных вещей, из которых приведу лишь одну.

Бульвар. На скамейке, тесно прижавшись друг к другу, сидят молодой человек и девушка. Они целуются, причём делают это точно так, как в Париже, Лондоне и Нью-Йорке.

Таким образом, несмотря ни на железный занавес, ни на полицейский надзор, сюда проникают нравы и обычаи цивилизованных стран».

Ж. ЛАКРУА

Из сатирического журнала «Дер дейче Михель», Германская Федеральная Республика.

Перевёл с немецкого В. БОЕВ.

•

НИЧЕГО НОВОГО

Вполне закономерно, когда люди на склоне лет начинают обращать внимание на вещи, которые ранее как-то ускользали от их внимания. Так, например, дамы определённой профессии начинают интересоваться нравственностью, биржевые спекулянты — беллетристикой, гангстеры — проблемами юриспруденции и так далее.

Похоже на то, что этой традиции следует и престарелый британский фельдмаршал Монтгомери. Правда, он увлекается не вышиванием и не маргаритками. Фельдмаршал решил специализироваться в области психологии. Точнее, он занимается «исследованием» души, и в первую очередь «русской души», той самой, «необычайными» и «загадочными» свойствами которой объясняли свои просчёты все любители вооружённых этнографических экскурсий в Россию.

Что же узрел своим ясновидящим оком фельдмаршал, что прочёл он в «таинственной русской душе»? Он, согласно сообщению Ассошиэйтед Пресс, установил, что, оказывается, «в душе русские не изменили своей первоначальной коммунистической стратегии, имеющей целью установление мирового господства».

Покончив таким способом с «русской душой» и не заметив, что столь банальный вздор отнюдь не может украсить умудрённого жизнью ветерана, Монтгомери переходит к душе «англо-саксонской». Здесь фельдмаршал, отдадим ему должное, всерьёз пытается сказать новое слово. Он, например, заявляет, по сообщению Юнайтед Пресс, что «есть только одна раса, которая может добиться установления международного мира, и это раса людей, говорящих на английском языке».

Но, впрочем, разве и в этом есть что-нибудь новое и оригинальное? Ведь стоит только заменить слова «международный мир» словами «новый порядок», а «английский» — «немецким», как тут же приходят на память те, у кого позаимствовал фельдмаршал стиль и дух своих афоризмов.

Учитывая фельдмаршальские годы (недавно ему исполнилось 68 лет), можно искренне посоветовать Монтгомери, чтобы вместо русской или какой-нибудь другой души он подумал о своей собственной.

Г. ЮРЬЕВ

О ФЕЛЬЕТОНЕ «ОПЛОШНОМ» И ЧИТАТЕЛЕ «ДОТОШНОМ»

Читатели Крокодила помнят, вероятно, фельетон «Рассказ про человека и инструкцию», напечатанный в августе прошлого года.

Фельетон рассказывал о формальном, бездушном отношении одного работника ленинградской милиции к приехавшему из Москвы некоему Ивану Васильевичу. Его дочери не было разрешено переночевать в номере отца. Ошибка в конце концов была исправлена, всё обошлось благополучно, дочь Люся удачно защитила диплом и получила назначение, а Иван Васильевич уехал в Москву и обо всей этой истории забыл.

Но 17 декабря, через полгода с лишком, Иван Васильевич получил повестку, которая приглашала его «явиться в отдел регулирования литературного движения «Литературной газеты», имея на руках соответствующие документы». Иван Васильевич в первую минуту ничего не понял, но затем взор его упал на свежий номер «Литературной газеты», и он увидел «Письмо читателя» под заглавием «Про люсиного папу».

Дальнейшее мы представим в драматической картине с пением и танцами, каковую рекомендуем к постановке талантливому Ансамблю вёрстки и правки «Литературной газеты».

Строка и лыко

Драматическо-танцевальное представление в одном действии.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ДОТОШНЫЙ — читатель.
ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ — люсин папа, тип.
СЕРЖАНТ КРИТИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ 5-го ОТДЕЛЕНИЯ «ЛИТГАЗЕТЫ» — положительный герой.
ДУХ ПИСАТЕЛЯ — дух.
ГОЛОС ИЗ РЕПРОДУКТОРА.
ФЕЯ ДРАЖЕ.
ХОР НЕБЕСНЫХ СВЕТИЛ.
(Дух писателя, Голос из репродуктора, Фея Драже, Хор небесных светил — Мистические силы.)

Небольшое помещение, без всяких излишеств, освещено светофорами, излучающими красный свет. На стене плакат: «Курить и шутить строго воспрещается».

Дотошный. Ваша фамилия?

Иван Васильевич. Иван Васильевич...

Дотошный. Фа-ми-ли-я?!

Иван Васильевич. В фельетоне не названа.

Дотошный. Почему? Скрываете?

Иван Васильевич. Спросите у автора.

Дух писателя (возникает). Не считаю себя обязанным называть фамилию в проблемном фельетоне. Тема фельетона — о чутком и внимательном отношении к людям (проваливается).

Сержант критической службы. Гражданин, предъявите ваш документ (читает). Иван Васильевич.. гм... фамилия... да. Прописан... да. В порядочке-с. Впредь, согласно новым правилам регулировки литературного движения, изданным «Литгазетой», надлежит в фельетонах, рассказах и прочих видах транспорта точно обозначать имя, отчество, фамилию героев, а также номер паспорта, место и срок прописки. Учтите.

Дотошный. Вы люсин папа?

Иван Васильевич. Да.

Дотошный. Папа, папенька, папуся... Вы ловкач, хапуга, вот вы кто! Вот что о вас сказано: «Специально выхлопотал себе командировку, чтобы побыть с дочерью». На государственные средства родительские чувства проявляете!

Иван Васильевич. Прежде всего соблюдайте приличия и не ругайтесь. А затем, с чего вы взяли, что я на казённые средства ездил? Командировка была нужная, важная, а я действительно выхлопотал её к такому сроку, чтобы побывать на защите диплома... Что же тут плохого? Дело не пострадало. Что же касается денег, то в самой дорогой гостинице Ленинграда на командировочные не проживёшь. Свои тратил.

Дотошный. В фельетоне об этом не сказано.

Дух писателя (возникает). И не надо было об этом говорить. Фельетон совсем не об этом. Он о чутком отношении к людям...

Сержант критической службы. Это мы слышали. Согласно новым правилам отдела регулирования литературного движения (ОРЛД), надлежит в фельетонах указывать цель и срок командировок с приложением денежного отчёта. Документы при вас?

Иван Васильевич. Оплошал. Не захватил.

Дотошный. Документы вам не помогут. Нам известен каждый ваш шаг в Ленинграде. Вы приехали утром, вас встречала дочь, вы заехали в «Асторию», взяли номер и оставили портфель — ни к чему он был вам — и укатили на стадион, потом поехали на Острова... Когда же вы делом занимались? Когда?

Иван Васильевич. Верно, не занимался делом. Я для того и выехал из Москвы в субботу вечером, чтобы иметь свободный день для встречи с дочерью. Она тоже по воскресеньям свободна.

Дотошный. В фельетоне ничего о воскресенье не сказано. Почему?

Иван Васильевич. Повидимому, потому, что автор не считал это существенным для фельетона, в котором поднята большая тема — о внимательном и чутком отношении к людям. Ещё пристава у Пушкина говорили: не всяко лыко в строку пишется.

Дотошный. Не может быть!

Дух писателя (возникает). Это факт. Вот справка, подписанная профессором Д. Д. Благим (проваливается).

Дотошный. Впрочем, царские пристава семнадцатого века нам не указ. Никакой дотошности у них не было, Григория Отрепьева из-под носа упустили.

Сержант критической службы. Согласно новым правилам ОРЛД, предлагается авторам фельетонов точно указывать день недели, а равно и время суток во избежание недоразумений. Правило теперь такое: всяко лыко в строку пишется!

Дотошный (нехотя соглашается). Ну, допустим, воскресенье. А что было в понедельник? Утром разговаривал по телефону с начальником отделения милиции, потом был на защите диплома. А дело-то, дело в лес убежало?

Иван Васильевич. Не убежало. По телефону разговаривал от девяти часов утра до четверти десятого, потом поехал в учреждение, пробыл там два часа, потом поехал на предприятие, пробыл там три часа, от четырёх до шести был на защите диплома, от восьми часов вечера до десяти занимался с инженерами у себя в номере.

Дотошный. А почему в фельетоне об этом ничего нет? А где удостоверение с графиком рабочего дня?

Иван Васильевич. Не всяко лыко... (Спохватывается.) Оплошал, товарищ сержант.

Сержант (тронутый искренностью признания). То-то! В следующий раз будьте внимательнее и не вводите читателей в заблуждение.

Дух писателя (возникает). Я не вводил. Я хотел лишь показать, что нужно относиться чутко и внимательно к гражданам. Я указал на ошибку одного работника милиции.

Дотошный. Возможно, он совершил ошибку, а возможно, не совершил. Я без документа не могу об этом судить.

Дух писателя (поёт высоким тенором):

В сей драматический момент
Я предъявляю документ!

Удар грома. Колокола вдали. Все встают и смотрят на документ. Светофоры зажигаются жёлтым огнём. Рассвет.

Иван Васильевич торжественно читает:

«...Статья «Рассказ про человека и инструкцию» политическим отделом Управления ленинградской милиции проверена... и критика признана правильной... В настоящее время нами готовится собрание партийного актива милиции г. Ленинграда «О культуре в работе», где также на это будет обращено внимание».

Светофоры зажигаются зелёным огнём. Над розовеющими строками восходит лучезарное Лыко. Колокола. Литавры.

Хор небесных светил исполняет кантату.

Солист.

Хвала тебе, о Документ!
Рождаешь ты аплодисмент!

Хор.

Лыко в строку!
Лыко в строку!
Ставьте к сроку!
Ставьте к сроку!

Фея Драже и сержант критической службы исполняют па-де-де дружбы.

Дотошный и Иван Васильевич заключают друг друга в объятия.

Голос из репродуктора. Граждане, расходитесь! Соблюдайте правила литературного движения. Держитесь правой стороны. Переходя улицу, оглядывайтесь в сторону «Литературной газеты». Пишите всяко лыко в строку!

ЗАНАВЕС

АЛТАЙСКИЙ ВИРУС

В первых числах каждого месяца на алтайских тракторостроителей опускается вселенская дремота. Станки работают на малых оборотах, в цехах музейная тишина, а большой конвейер движется со скоростью улитки.

Вызванные на летучку к директору В. А. Каргополову начальники цехов и отделов запасаются газетами и куревом: кто знает, когда закончится совещание, которое на заводе именуется кратко, но выразительно — «дремучка»?

Происходит она примерно так: когда все рассаживаются по местам, директор берёт в руки сводку фактического выполнения планового задания и рассматривает сё так мучительно долго, словно перед ним не перечень знакомых наименований, а таинственная клинопись древнего Хорезма.

Сводка показывает, что за последние десять месяцев завод недодал стране на девятнадцать миллионов рублей запасных частей.

— Гм... Сколько ушло карбюраторов? — спрашивает директор, ни к кому, собственно, не обращаясь.

— Вчера десятка полтора сдали в ОТК, — не спеша отзывается технолог завода, усаживаясь поудобнее: в прошлый раз он задремал и чуть не упал со стула.

— Вот и славно. Так и запишем: пятнадцать штучек... Да вот они, голубчики, уже зафиксированы. Ай да мы, молодцы! А сколько ещё числится за нами долгу?

— В чём, в кольцах?

— Зачем? Кольца — мелочь. Я про карбюраторы...

— Ерунда, каких-то 726 штук.

— Ишь ты! Сходится. И у меня так же показано. Поехали дальше: гильза цилиндров... 16 тысяч штук долгу! Дать бы этим трактористам по рукам, чтобы берегли детали. Катки опорные... 18 тысяч штук... Насосы масляные тысяча... Скажи, пожалуйста, сколько всякой всячины в тракторе заложено!

Все молчат.

Назавтра «дремучка» продолжается в том же темпе, и так изо дня в день — вплоть до последней декады месяца.

С 21-го числа в цехах начинается робкое оживление. Кое-где слышатся скрежет резца о металл, стук штампов, урчание моторов и шелест трансмиссии. И темпы летучки совсем другие: за какие-нибудь полчаса директор не только успевает скрупулёзно изучить сводку, но и ошарашить людей парочкой — другой последних и предпоследних предупреждений.

За пять дней до конца месяца весь завод уже начинает трястись, как в приступе тропической малярии. С каждой минутой трясучка проникает во все цехи, охватывая не только главный конвейер, но и теплоэлектроцентраль, инструментальные кладовые, склады, ОТК и даже диетическую столовую.

Станки работают на предельных оборотах, плавятся подшипники, крошатся резцы. Ходуном ходят не только суппорты, но и станины. И по заводу с утра до ночи вихрем носится В. А. Каргополов с начальниками отделов и цехов.

В последний день месяца наступает кризис. Мелькание руководящего состава завода намного опережает скорость звука, приближаясь к скорости света. В орбиту вращения втягиваются новые и новые отряды. В. А. Каргополов ставит к станкам не только технологов, но и конструкторов: у всех одна цель — выколотить к концу суток как можно больше деталей. Ни качество, ни тем более номенклатура не имеют в эти дни никакого значения.

Вал! Количество! Процент выполнения! Как на чудо-тройке, дрожа мелкой дрожью нетерпения, несутся вдаль алтайские тракторостроители.

А назавтра завод снова превращается в сказочное спящее государство. Некий вызывающий неодолимую дремоту вирус затормаживает на ходу станки, путает ноги работающим, переводит на самую малую скорость ленту конвейера. И снова в кабинете директора В. А. Каргополова на летучке дремотная тишь.

Что же это за таинственный вирус, поразивший алтайских тракторостроителей? Не ищите его в медицинских справочниках: там нет такого прозаического слова — «штурмовщина». Но от этого трактористам не легче. Сколько их выедет в поле на неисправных машинах! Сколько десятков заплат поставят слесари-ремонтники на дырявые трубки карбюраторов! Сколько простоят у ворот мастерских «босоногие» тракторы, лишённые траков и звеньев! И это будет продолжаться до тех пор, пока кому-нибудь не удастся обезвредить алтайский вирус—штурмовщину.

А. ШЕСТАКОВ

г. Рубцовск, Алтайского края.

ЗНАТОК СВОЕГО ДЕЛА

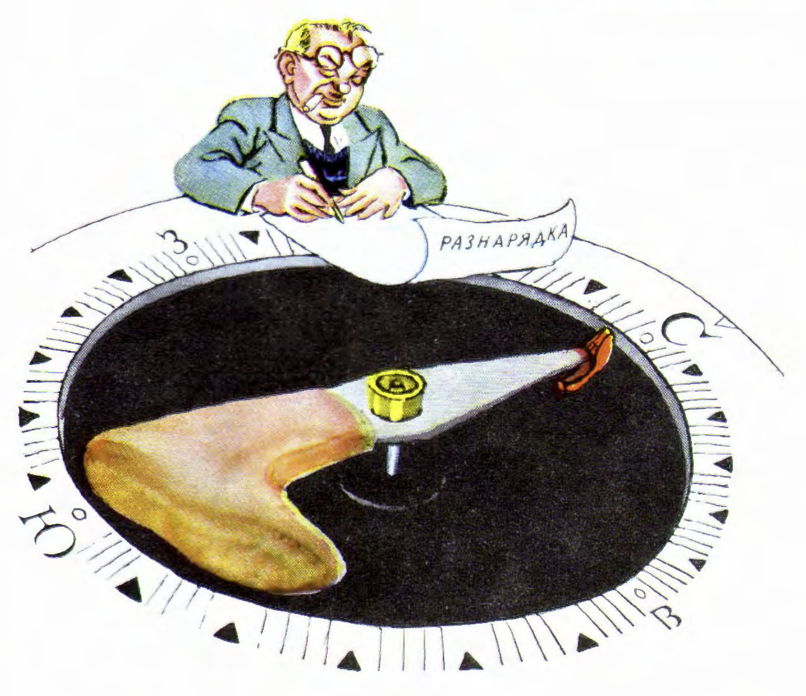
Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

— Верблюд заболел. Что с ним, товарищ ветеринар?
— Так он же у вас горбатый.

Торговые организации недостаточно изучают запросы потребителей.

Рисунок М. БИТНОГО.

Компас некоторых работников торговли

В ДНИ СОВЕЩАНИЯ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

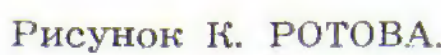

Рисунок К. РОТОВА.

— Где же ваша рукопись? Ждём...

— Пожалуйста, к нам! Журналу нужен ваш снимок!

— Заходите! Заносите что-нибудь!

— Я заканчиваю критический разбор вашего произведения!

— Эх, конца бы не было этому совещанию!

— Ждём от вас статью в газету!

ПРОПАВШИЙ АВТОР

Произошло невероятное: рационализаторское рабочее предложение вернулось в цех одобренное, утверждённое и рекомендованное к внедрению. Не так уж часты такие события на Калининском вагоностроительном заводе. Отовсюду посыпались вопросы:

— Чьё предложение? Решетовой? А кто она, эта Решетова?

— Понятия не имеем.

— В штатной ведомости никакой Решетовой не было!

Но однажды в контору вбежал запыхавшийся мастер.

— Нашёл! — возбуждённо закричал он.

Сотрудники повскакали с мест и обступили мастера:

— Кого нашёл? Решетову?

— Мухину нашёл! — выпалил тот единым духом.

По конторе прокатился вздох разочарования. Но мастер отдышался и поведал небольшую, но трогательную историю.

Пока рационализаторское предложение работницы Решетовой путешествовало из технической части цеха в конструкторский отдел завода, пока его внимательно изучали в главке и министерстве, работница успела познакомиться с приятным молодым человеком Мухиным. Затем молодой человек завоевал сердце рационализатора, и она сменила свою фамилию. У молодожёнов появился ребёнок, малютка начал лепетать первые слова, и лишь тут предложение его мамы вернулось из министерства в цех.

Вот почему на Калининском заводе принято не поздравлять рационализатора, а, наоборот, сочувствовать ему.

Встречает, к примеру, лучшего изобретателя цеха тормозной аппаратуры тов. Бонина его приятель и проникновенно спрашивает:

— Что-то ты, брат, похудел? Никак, новое предложение внедряешь?

— Внедряю, — признаётся Бонин. — Пятнадцать резолюций собрал, да всё без толку. До самого директора товарища Лукьянова добрался, а он направил к главному конструктору Кулакову.

Оказывается, много требуется изобретательности, чтобы протолкнуть своё изобретение. Не всякий способен годами ходить по инстанциям и доказывать свою правоту, тем более, что почти везде на него смотрят как на опасного чудака и нарушителя порядков.

Оттого и не густо с рационализаторскими предложениями на заводе. Например, в цехе тормозной аппаратуры с августа по ноябрь внедрено 0 (ноль!) рационализаторских предложений. Глядят на эту сводку в дирекции, парткоме, завкоме и удивляются:

— Пропал автор! Совсем исчез!

А автор и не думал пропадать. Он просто терпеливо ждёт, когда к нему изменится отношение.

г. Калинин. **В. ТКАЧЕНКО**

Дорогой Крокодил!

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

Прими сигнал бедствия с Черноморского побережья. Терпит аварию Адлерский овощной совхоз Министерства торговли СССР, который призван обеспечивать свежими овощами круглый год курорты Сочи, Хосту и Мацесту.

Вот уже долгое время бригадиры совхоза изо дня в день теребят своего директора:

— Товарищ Евстратов, когда же будем проводить уборку овощей?

— Обождите,— грустно отвечает товарищ Евстратов.— Сейчас ещё потрезвоню в Сочи.

И он начинает звонить по телефону управляющему Сочинским курортпродторгом тов. Серебровскому и начальнику сельхозотдела тов. Волошину:

— Уважаемые, ну как, можно нам наконец приступать к уборке?

— Обождите,— сухо отвечают Серебровский и Волошин.— База ещё не может принять.

И снова работники совхоза, набравшись терпения, ждут у моря погоды. Но... овощи не отличаются таким долготерпением. Лопается на корню перезревшая капуста, гибнет редис, а 16 тонн лука-пера по примеру прошлого года скоро пойдут, очевидно, на Адлерскую птицефабрику в качестве пищевого брака.

мало средств затратил совхоз ибницу для шампиньонов. едставьте, даже сейчас, та грибница ежедневно –6 килограммов первых ьонов, их некуда девать. е будет в ближайшее время, это количество возрастёт до килограммов?

а продукция совхоза гниёт на в том же Адлерском и соседн... Гагринском районах население испытывает недостаток в свежих овощах.

Растолкуй, дорогой Крокодил, руководителям Сочинского курортпродторга, что овощной совхоз не силосная яма, где заготовляются корма для рогатых и пернатых. Может, всё-таки сообразят!

Бригадиры Адлерского овощного совхоза: Л. БЕЛЯШИНА, Л. СНЕГИРЕВА и другие.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Наш порт, судя по отзывам Министерства морского флота, работает неплохо.

Однако, уважаемый Крокодил, если бы ты спросил нас, выполняем ли мы план, то не получил бы ясного ответа. И вот почему.

Мы и сами не знаем, какой у нас план. В течение года министерство неоднократно меняло его. Все эти планы — и начальный, и новый, и новейший — мы выполнили уже к 19 ноября.

О, это было большое торжество! Посыпались бесконечные поздравления: и от заместителя министра тов. Савинова, и от начальника политотдела тов. Румянцева, и от... Всех не перечислишь!

Но тут в министерстве вдруг опомнились: ведь некоторые порты не выполнили планов! Где выход из затруднительного положения? Как спасти отстающих? А очень просто: уменьшить им план, переложить его на передовых!

И уже в декабре наш порт был извещён, что ему увеличили годовой план.

Поэтому-то мы и не ответим на твой вопрос, выполняем ли план, а, в свою очередь, спросим:

— А какой именно? Первоначальный? Новый? Новейший? Или последний — наиновейший?

Начальник морского торгового порта В. ЧУВАШИН

г. Вентспилс.

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Только злые языки могут утверждать, что в Ейском зерносовхозе пропадают ценные сельскохозяйственные машины. Новый кормозапарник действительно валялся здесь без присмотра. Но директор совхоза Басецкий не мог долго терпеть такого положения.

— Мы ему найдём такое применение, о котором ни в одном справочнике не сказано! — воскликнул он.

И он был прав, дорогой Крокодил! О возможности такого применения, которое нашёл Басецкий, даже в сельскохозяйственной энциклопедии не упомянуто. Кормозапарник в Ейском совхозе используется ныне... для отопления бани. Парится теперь в ней Басецкий да похваливает отличную машину...

Опыт директора Ейского совхоза можно было бы распространить и на другие совхозы — Армавирский, Тихорецкий, Лабинский. Ведь в совхозах Краснодарского края валяется без применения огромное количество сельскохозяйственных машин — кормозапарников, электростригальных аппаратов, локомобилей! Зачем же им валяться без дела? Пусть уж кормозапарниками отапливают бани, а локомобилями вращают комнатные вентиляторы.

И. БАСЕНКО

г. Краснодар.

Николай Павлович СМИРНОВ-СОКОЛЬСКИЙ

(К сорокалетию работы на эстраде)

Дружеский шарж КУКРЫНИКСЫ.

Изд-во «Правда». Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-31-37, Д 3-34-37. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

А 07233. Изд. № 8. Подписано к печати 30/XII 1955 г. Формат бум. 70×108⅛. Заказ № 3542. Тираж 700 000 экз. 1 бум. л.—2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

СРЕДИ КОЛОНИЗАТОРОВ

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

— Кажется, мы остаёмся без работы!..